

Никита Андреевич Ломагин
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Настроения ленинградцев в зеркале политического контроля в преддверии нападения Германии на СССР

Важнейшими институтами, которые принимали участие в сборе информации, были органы государственной безопасности, партия, располагавшая несколькими отделами, осуществлявшими изучение настроений населения, газеты, редакции которых получали письма читателей и нередко составляли их обзоры, различные общественные организации (союз воинствующих безбожников, например), политорганы армии и флота. Существовал и неформальный контроль — «сигналы трудящихся», которые обращали внимание на различные события общественной и частной жизни¹.

Наиболее значимыми каналами получения сведений были информаторы НКВД, партинформаторы и работники отделов агитации и пропаганды, которые вели учет вопросов, задававшихся во время различных лекций и бесед, письма, которые регулярно просматривались цензурой, а также показания арестованных органами госбезопасности. По свидетельству одного из бывших сотрудников Ленинградского Управления госбезопасности, в довоенное время в Ленинграде не существовало постоянно действующих органов по сбору, анализу и обобщению информации о положительных и негативных настроениях. Эти задачи решались всеми оперативными службами. Информация сначала обобщалась на уровне отделения, затем — отдела и Управления в целом.

Комплекс, главным образом, архивных источников позволяет нам воссоздать общую картину негативных настроений, которые были выявлены органами политконтроля в Ленинграде накануне войны с Германией. Заметим, что если сводки партийных организаций и спецсообщения УНКВД содержали информацию о реакции горожан на важнейшие с точки зрения власти мероприятия, то «письма во власть» и дневники ленинградцев свидетельствовали о том, что волновало в первую очередь сам народ, какие проблемы вызывали у него наибольший интерес. Поэтому в качестве важнейшего источника мы выбрали письма, которые направлялись в Смольный накануне войны. Тематический анализ тысяч документов, проведенный секретариатом Горкома ВКП(б), подтверждает, что «квартирный вопрос» и материальные условия в целом были основными темами, волновавшими го-

рожан². Например, из 62 866 писем, направленных А. А. Жданову в 1939 г., 24 310 касались жилплощади и прописки, а в 11 596 письмах содержались просьбы о предоставлении материальной помощи. В дальнейшем ситуация сохранилась. За пять довоенных месяцев 1941 г. на имя А. А. Жданова поступило 26 751 письмо. В 9 712 письмах шла речь о жилплощади и прописке, а в 6 518 документах — о материальной помощи³. Причем к последним не относились просьбы о направлении детей в сады и ясли, о пособиях для многосемейных, об алиментах и т. п. Таким образом, в довоенные месяцы 1941 г. общение ленинградцев с властью посредством писем сохранялось на стабильно высоком уровне. Тематика писем в целом сохранилась та же, что и в 1939 г. В целом следует сказать, что ленинградцы жили тяжело. На третьем месте тем не менее находились просьбы о пересмотре решения судов. Очевидно, население понимало, что суды не являются независимым институтом, а в своей деятельности руководствуются решениями партийных органов. Среди писем ленинградцев было много ходатайств об отмене высылки за принадлежность к оппозиции. Их письма свидетельствовали о глубоко укоренившейся вере в то, что добрый и мудрый местный партийный вождь восстановит справедливость, поспособствует в предоставлении жилья, поможет решить другие вопросы. Собственно внутрипартийные вопросы в корреспонденции занимали в количественном отношении второстепенное место⁴.

Наряду с письмами, адресованным Жданову, редакции «Ленинградской правды», а также руководителям районных партийных и советских органов, в которых респонденты искали поддержки в решении того или иного наболевшего вопроса и, естественно, называли свое имя, были и анонимные письма. В них, как правило, выражалось резкое несогласие с проводившейся внутренней и внешней политикой или отдельными мероприятиями власти. По данным секретно-политического отдела УНКВД ЛО, в довоенный период количество «контрреволюционных анонимных документов» составляло 30–40 писем в месяц. В содержательном отношении анонимные письма «содержали в себе антисоветскую клевету и отражали озлобленность их авторов в связи с проводимыми советским правительством хозяйственно-политическими мероприятиями»⁵. В связи с этим начальник УНКВД ЛО Куприн в начале апреля 1941 г. издал приказание «О розыске авторов и распространителей антисоветских документов». В нем отмечалось, что «в последнее время в городе Ленинграде и Ленинградской области участились случаи распространения по почте враждебными элементами анонимных писем, литературных произведе-

дений антисоветского содержания и других документов в адреса руководящих партийных и советских организаций». В Кировском районе Ленинграда имели место два случая расклейки антисоветских листовок, написанных печатным шрифтом от руки. В целях активного розыска авторов и распространителей контрреволюционных документов и установления причастности подучетного элемента к распространению подобных контрреволюционных документов перед начальниками оперативных отделов УНКГБ ЛО и Ленинграда была поставлена задача «мобилизовать и направить агентуру на выявление и изучение лиц, имевших намерение к распространению контрреволюционных документов или занимающихся отправлением анонимных писем антисоветского характера в адрес руководителей партии и правительства». Копии сводок и все материалы, получаемые от агентуры и заявителей по этому вопросу, надлежало немедленно направлять соответственно в СПО области или во 2-й СПО УНКГБ г. Ленинграда⁶.

Т. Ригби в своем исследовании «теневой культуры» в СССР утверждает, что политическое лицемерие власти было бомбой замедленного действия. Крах советского режима, в конце концов, был облегчен существованием официальной риторики относительно демократии, конституционных прав, что могло быть использовано теми, кто действительно стремился к реальной демократии⁷. Материалы горкома ВКП(б), а также Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области отчасти подтверждают это утверждение — накануне и после войны в ходе кампаний по выборам депутатов в Советы разных уровней, а также в ответ на проводившиеся властью мероприятия неоднократно звучали ссылки на нарушение конституционных прав и свобод граждан.

В довоенное время одним из «информационных поводов» общения с властью были выборы в Ленсовет, которые состоялись в декабре 1939 г. 26 декабря председатель 20-го избирательного участка (Свердловский район) Лудильщиков получил анонимное письмо «контрреволюционного содержания». В антисемитском по тону письме процедура выборов была названа «комедией»⁸.

Подобные настроения относительно выборов и нарушения Конституции не были единичными. В информационной сводке секретарям ОК и ГК ВКП(б) от 29 декабря 1939 г. после дежурной фразы о том, что «избиратели всех возрастов — молодые и старые — единодушно отдадут свои голоса кандидатам нерушимого блока коммунистов и беспартийных», а также нескольких примеров восторженных заявлений молодежи, в первый раз принявшей участие в выбо-

рах, на двух страницах приводились факты проявления «нездоровых настроений и высказываний». На 51-м избирательном участке некоторые избиратели не знали, за кого голосовать, и вычеркивали незнакомые фамилии. Например, избирательница Богданова заявила, что «я знаю одну дочь учителя, за нее и буду голосовать, остальных не знаю, поэтому вычеркнула...» Некто Тумольский заявил активистам, пришедшим к нему домой и пригласившим его принять участие в голосовании, что он от голосования воздержится, поскольку такое право содержится в Конституции. При этом Тумольский добавил: «Разве я не имею права воздерживаться. Вот, например, в Лиге Наций тоже воздерживаются. Или при парламентских выборах за границей также воздерживаются, ничего в этом нет особенного»⁹. Сотрудники организационно-инструкторского отдела горкома и сектора информации отметили, что Тумольский в выборах в Верховный Совет РСФСР и Верховный Совет СССР участия не принимал. Рабочий Иванов еще на встрече кандидатов с избирателями говорил, что он «ни за, ни против» голосовать не будет, потому что «против голосовать не хочу обидеть кандидатов, а “за” — рука не поднимается»¹⁰.

На 89-м избирательном участке в Октябрьском районе в день выборов были порезаны портрет Сталина и стенгазета с портретом кандидата в депутаты. В ночь с 23 на 24 декабря на 4-м избирательном участке Петергофского района было сорвано обращение к избирателям. Одной из форм пассивного протеста было то, что на некоторых участках Петроградского района «отдельные избиратели полученные бюллетени демонстративно складывают и опускают в урны», а на 11-м избирательном участке Свердловского района на доме, где был помещен пункт голосования, был вывешен траурный флаг. Такой же флаг был вывешен и на доме № 175 по Лиговской улице в Московском районе¹¹.

Общественно-политические кампании, включая уже упоминавшиеся нами выборы, подчас, приобретали гротескные формы. Все более утверждалась практика возвеличивания кандидатов, а ряд первичных партийных организаций доводили ее подчас до абсурда¹².

Отдельные факты проявления антисемитизма в ходе выборов переплетались с представлениями части населения еврейского происхождения об ошибках ВКП(б) в национальной политике. В качестве примера подобных настроений в информационной сводке от 25 декабря 1939 г. приводился отказ от участия в выборах на 32-м избирательном участке в связи с «большими расхождениями с партией по национальному вопросу»¹³.

Многочисленные сводки о настроениях населения, подготовленные Ленинградским Обкомом и Горкомом ВКП(б) и изученные нами за весь период войны с Финляндией, не содержат свидетельств роста антисемитизма, который был достаточно распространенным явлением в 1920–1930-е годы¹⁴. По мнению В. С. Измозика, проанализировавшего материалы перлюстрированной переписки, «еврейский вопрос» оставался существенным элементом при формировании социально-мировоззренческих ориентиров значительной части населения, особенно городского¹⁵. При этом для горожан антисемитизм являлся выражением не столько национальных, сколько социальных настроений. «В глазах этих людей, — пишет известный историк, — “еврей” выражал не столько определенный национальный тип, сколько, в первую очередь, был представителем определенного социального слоя, занявшего господствующее положение в управлении, торговле и других “теплых” и престижных сферах. Поэтому понятие “еврей” нередко ассоциировалось с начальниками, чиновниками — всеми теми “злодеями”, которые извращают волю “доброе правителя” или даже губят его самого. В слове “еврей” для них аккумуляровался “образ врага”, ответственного за все невзгоды и неурядицы жизни, очень удобного для образа мышления, видящего мир в черно-белом измерении»¹⁶.

Несколько сотен интервью, взятых в рамках Гарвардского проекта вскоре после окончания Второй мировой войны, а также ряд других источников не дают серьезных оснований согласиться с тезисом о том, что антисемитизм был чуть ли не одной из важнейших черт архетипа советского/русского человека. Тем не менее он существовал. Даже респонденты, приглашенные к участию в Гарвардском проекте и по определению соблюдавшие элементарные нормы политкорректности, находясь за рубежом в ожидании решения их судьбы, на специальный вопрос о национальных отношениях прямо или косвенно подтверждали наличие антисемитизма. Разница в ответах состояла в том, что если одни не шли дальше перечисления отличительных черт лиц еврейского происхождения и их «привилегированного» положения в обществе, предпочитая выглядеть нейтрально, то другие на основании личного опыта делали выводы о «несправедливости» и ущемленности русских в Советском Союзе, оставаясь в полшаге от взглядов, которые применительно к более раннему периоду представил В. С. Измозик¹⁷. При этом практически все респонденты отвели как несостоятельную гипотезу о наличии государствен-

ного антисемитизма в СССР, отметив, что после окончания войны политика Сталина в этом вопросе существенно изменилась¹⁸.

Таким образом, несмотря на то, что в период войны с Финляндией вспышки антисемитизма в Ленинграде не наблюдались, латентный антисемитизм по-прежнему существовал и мог представлять собой существенный фактор в развитии настроений населения при соответствующей позиции власти либо других обстоятельствах (например, пропаганды антисемитизма со стороны вероятного противника) в условиях чрезвычайных обстоятельств.

Реакция населения на непопулярные мероприятия правительства накануне войны в Ленинграде — ужесточение рабочего законодательства и проведение займов — отчасти уже приведена нами со ссылкой на работы С. Дэвис и Р. Серстона. Нездоровые настроения в связи с подпиской на заем практически накануне войны с Германией захватили самые различные категории трудящихся — от привлеченных к ответственности по указу 20 июня 1940 г. до стахановцев, включая членов комсомола и ВКП(б). Нежелание подписываться на значительные суммы рабочие объясняли тяжелыми условиями жизни, дороговизной, нецелевым использованием государством привлеченных средств (рабочие говорили о «стотысячных премиях» артистам), выражали недовольство его принудительным характером. В Ленинграде на предприятиях машиностроительной, текстильной, пищевой промышленности охват был около 50 %, а в резиново-химической — всего 35%. При этом на лучших предприятиях не более 60 % рабочих подписывались на трехнедельный заработок. С огромным трудом в конце концов удалось разместить заем на предприятиях Ленинского района¹⁹. В целом по городу, несмотря на весьма активную работу администраций предприятий и учреждений, а также широкую пропагандистскую кампанию, развернутую партийными организациями, на 8-й день план подписки на заем третьей пятилетки в Ленинском, Выборгском, Петроградском, Смольнинском, Красногвардейском и Московском районах выполнен не был. Сумма подписки на целом ряде предприятий, включая «Красный треугольник», завод им. Карла Маркса, фабрику «Работница», составлял в среднем менее недельного фонда заработной платы, что втрое было ниже «контрольных цифр»²⁰.

Партийные функционеры были не в состоянии разъяснить рабочим обоснованность сумм подписки, а, встретив резонные аргументы с их стороны, сразу же информировали горком ВКП(б) о «фактах антисоветской агитации». Например, плотник судоремонтного завода Драницын подписался на 180 руб. при зарплате в

670 руб., заявив: «Заем выпущен на сумму в 6 млрд руб. Население СССР — 170 млн. Если разделить, то на каждого жителя приходится только 35 руб. У меня семья 5 человек. Поэтому я подписываюсь на 180 руб. и тем самым выполняю свой долг...» Авторы информационной сводки секретарям Ленинградского ГК в связи с этим весьма цинично указали, что «Драницын малограмотный и самостоятельно не мог произвести такой расчет». На заводе «Красная Вагранка» грузчик Чеканов подсчитал, что если 100 млн человек подпишутся каждый на 100 руб., будет собрано 10 млрд. руб. «При этом, — отмечалось в партийной сводке, — нагло заявил: “Почему же вы с меня требуете 2–3-недельный заработок?”»²¹ Фрезеровщик Кировского завода Серов с надетой веревкой на шею пришел к мастеру участка Миневичу и демонстративно на глазах у рабочих порвал подписной лист, заявив, что если его будут принуждать подписаться на заем больше, чем он хочет, — «у него веревка приготовлена». Рабочий одного из номерных заводов 4 августа 1939 г. открыто распевал сочиненный им куплет: «Налоги, налоги, налоги давай, а осень придет — штаны продавай»²².

«Антисоветские и нездоровые» настроения были зафиксированы на многих предприятиях Ленинграда («правительство поступает по-гитлеровски»; «советская власть обдирает рабочих»; «советские займы хуже царских»; «меня и так правительство раздело», «не видно никакого улучшения в жизни, хожу без ботинок и штанов» и т. п.)²³. Аналогичные примеры недовольства займом приводились в спецсообщениях УНКВД, датированных 5 и 6 июля 1940 г. Управление внутренних дел сообщало о «целом ряде» антисоветских проявлений в связи с выпуском нового займа, который воспринимался частью ленинградцев как «насилие», «грабеж», «убивающий желание работать добросовестно». Рабочие отказывались подписываться на заем, заявляя, что «стало жить плохо, все дорого», что «у нас все ложь и обман, от займа пользы нет». Инициаторами данных мероприятий рабочие называли депутатов Верховных Советов СССР и РСФСР, которые «всем обеспечены»²⁴.

Наряду с информационными сводками о настроениях по «партийной линии», которые готовились на предприятиях, в райкомах партии, обобщались на уровне ГК ВКП(б) и затем рассматривались руководством городской партийной организации, в Смольный также поступали спецсообщения из Управления НКВД ЛО в связи с откликами населения Ленинграда на проводившиеся в стране мероприятия. В довоенное время среди них были: Указ Президиума Верховного Совета о переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную

рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений; постановление СНК о выпуске государственного займа третьей пятилетки; сводка о ходе подготовки к празднованию 22-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции; постановление правительства об установлении платного обучения в вузах, техникумах и старших классах средних школ и др. На всех документах УНКВД, находящихся на хранении в ЦГАИПД СПб., имеются автографы руководителей ОК и ГК ВКП(б) Жданова, Штыкова и Кузнецова, которые свидетельствовали о том, что они с представленной информацией ознакомились. Однако эти пометки весьма лаконичны: «Читал, в дело». Никаких подчеркиваний в самом тексте спецсообщений секретари ОК и ГК ВКП(б) не делали²⁵. Тем не менее об основных тенденциях изменений в настроениях населения, а также о принимавшихся по линии управления наркомата внутренних дел мерах²⁶ партийное руководство было осведомлено.

Важно отметить, что практически все зафиксированные агентурой НКВД высказывания носили первичный характер, т. е. никто из упоминавшихся в сводках лиц не был ранее замечен органами НКВД в нелояльности режиму. 29 июня 1940 г. секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецову было направлено спецсообщение УНКВД ЛО о настроениях населения в связи с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. о переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений и постановлением Совнаркома о повышении норм выработки и снижении расценок. После традиционных для такого рода документов заявлений о том, что «рабочие и трудовая интеллигенция продолжают одобрять мероприятия советской власти, направленные на укрепление обороны и хозяйственной мощи страны, а также наведение железной трудовой дисциплины», следовали примеры «враждебных настроений и высказываний рабочих, интеллигенции и других слоев населения». Они критиковали мероприятия властей с позиций отхода от завоеваний революции и конституционных норм. Заведующий учебной частью ЛГУ, член ВКП(б) К., который ранее не был замечен в каких-либо антисоветских проявлениях и не состоял на оперативном учете органов НКВД, в беседе с друзьями заявил, что «мы, старые большевики, переживаем большой моральный удар», ибо все то, что считалось «нашими достижениями, достижениями революции — все летит насмарку». Отнесение себя к категории «старых большевиков», а также обвинение власти в отходе от завоеваний революции, столь характерные для всех антисталинских публикаций